

ТРОШИНА Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 268 научных публикаций, в т. ч. 12 монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-5949>

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГАРНИЗОН В 1917 ГОДУ¹

В статье представлен исторический материал, дополняющий и расширяющий знания о роли тыловых гарнизонов в возрастании революционной активности в период от Февраля к Октябрю. Отмечается специфика частей, расположенных в Архангельском районе, и указывается, что это повлияло на своеобразие протекавших на данной территории процессов. В связи с особым положением Архангельска в годы Первой мировой войны здесь размещалось множество в целом малочисленных воинских подразделений, выполняющих разнообразные функции и имеющих различное подчинение. Отдельные воинские части, находившиеся в особо тяжелых условиях службы, имели льготное продовольственное и финансовое снабжение, что создавало напряжение не столько между рядовыми и командным составом, сколько между воинскими подразделениями, представляющими различные рода войск. Автор делает вывод, что на первом этапе Революции создание военных «демократических организаций» в значительной степени было инициировано высшим командованием, которое вынуждено было подчиняться распоряжениям из столицы. Включение воинских частей в политическую жизнь происходило неравномерно, в зависимости от понимания солдатами и матросами важности их службы для пользы государства. Наиболее активными оказались «рабочие батальоны», в составе которых было большое число лиц, имевших городские профессии и видевших в тыловой службе альтернативу отправке на фронт, а также мобилизованные из национальных окраин Российской империи. Эти категории военнотружущих были особенно заинтересованы в прекращении войны любыми способами и скорейшей демобилизации. Самыми дисциплинированными оставались военные моряки. Превращение армейских и флотских «чинов» Архангельского гарнизона в анархистствующую массу произошло позднее, чем в большинстве тыловых гарнизонов и на фронте.

Ключевые слова: Революция 1917 года, военнотружущие, солдатские комитеты, тыловой гарнизон, Архангельский гарнизон.

---

¹Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917–1918 гг.»).

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: tatr-arh@mail.ru

Для цитирования: Трошина Т.И. Архангельский гарнизон в 1917 году // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 2. С. 16–25. DOI: 10.37482/2227-6564-V002

Советская историография Русской революции придерживалась концепции ее пролетарского происхождения, отмечая роль солдат тыловых гарнизонов лишь как вооруженной силы восставшего рабочего класса. Эмигрантская литература, в значительной степени опиравшаяся на свидетельства генералитета, главной движущей силой революционных событий 1917 года считала именно солдатские массы. Н.Н. Головин и А.И. Деникин подчеркивали при этом особую активность тыловых частей, считая, что разрушительная энергия распространялась на фронт именно оттуда. Отдаленный тыл был перегружен запасными воинскими частями, главным мотиватором политической активности которых было нежелание идти «в окопы». Таким образом, разложившаяся гарнизонная масса превратилась в главную опору большевиков и основное средство захвата власти [1, 2].

Наиболее ярким проявлением активности солдат и матросов принято считать их самоорганизацию в виде «общих собраний», «комитетов» и «советов». Партийные публицисты подчеркивали роль большевиков в подготовке солдат, превративших последних в «посредников между городом и деревней» [3, с. 33]. Роль солдатских комитетов отмечается во всех исследованиях, посвященных событиям 1917 года в российской провинции. По мнению В.П. Булдакова, во время революции, которая происходила в условиях войны, именно солдаты «обнаружили самую высокую способность к самоорганизации». Автор объясняет это «крестьянской» сутью солдат, стремившихся организовать все институты власти по «общинному образцу» [4, с. 23].

В связи с этим следует еще раз обратиться к истории солдатских организаций в тыловых гарнизонах. Объектом исследования является Архангельский гарнизон, который по формальным признакам соответствовал тыловым частям, где происходили революционные события, но от прочих тыловых гарнизонов отличался тем, что в его составе были не запасные части, а нестроевые, преимущественно рабо-

чие и строительные. В определенной степени к составу гарнизона следует отнести и военно-морские подразделения, дислоцировавшиеся в портовых районах Архангельска и занимавшиеся приемкой и охраной ведомственных грузов, а также обеспечением безопасного плавания в Белом море и Северном Ледовитом океане (СЛО). Особого организационного разделения между флотом и армией не было, поскольку для обеспечения безопасности поставок в Архангельский порт и дальнейшей их транспортировки сухопутные и морские силы были сосредоточены в руках представителя Морского министерства – Главноначальствующего городом Архангельском и водным районом Белого моря (далее – Главнач). Все морские и сухопутные офицеры находились в его в подчинении, в т. ч. комендант Архангельского гарнизона, командиры ополченческих и прочих частей. Сам Главнач одновременно был командующим Флотилии СЛО.

В уездных городах размещались небольшие по численности этапные и местные команды, на Мурмане находились довольно крупные военно-морские силы и рабочие батальоны. Все эти части сыграли свою роль в революционных событиях местного уровня. Мы рассмотрим события, происходившие в частях, расквартированных в Архангельске и его ближайших пригородах.

На 1 марта 1917 года Архангельский гарнизон состоял из 261 армейских и флотских офицеров и более 10 тыс. «нижних чинов», преимущественно ратников-ополченцев [5, с. 352, прим. 10]. Наиболее полное представление о составе гарнизона дает перечень частей, распределенных по участкам для голосования в Учредительное собрание [6, л. 273–274].

В Соломбале размещались 669-я Костромская дружина, Архангельский флотский полуживой экипаж (это было дисциплинарное подразделение, однако штрафников активно использовали для ответственных и опасных заданий, например для боевого сопровождения грузовых судов и военно-морской поддержки радиотелеграфных станций на отдаленных материковых и

островных участках СЛО), Дивизия траления, морские ледоколы военного порта («Микула Селянинович» и «Святогор»), посыльные ледокольные пароходы («Ярославна», «Горислав», «Людмила», «Кунава», «Колгуев», «Вайгач», «Таймыр»), Служба связи Белого моря с приданными ей судами, гидрографическая экспедиция и ее судно «Лейтенант Овцын», Северо-Двинский маяк, транспортные суда, госпитальное судно «Эллипс», лазарет военного порта.

В центральной части города располагались небольшие воинские части при управлениях размещенных там воинских учреждений; специализированные части (команды 1-й запасной тяжелой артиллерийской бригады, 1-й запасной автомобильной роты, 1-й воздушной станции, комиссии по переотправке авиационных и воздухоплавательных грузов; команда инспекции взрывчатых веществ и опасных грузов, команда водной охраны порта и др.), а также пограничный Беломорский батальон, Кронштадтская минная команда, 69-й и 58-й рабочие батальоны, караульные команды участков порта и Архангельский воинский лазарет.

В перегрузочном портовом районе Бакарица размещались 59-й и 60-й рабочие батальоны, караульные команды, команды при Исакогорской радиостанции, особые водолазная и военно-морская контрольная команды и ряд других небольших воинских подразделений. В аванпорту Экономия были расквартированы свои караульные команды, рабочие части, водолазная команда и проч. На о-ве Мудьюг находилась Архангельская отдельная береговая батарея.

Характеризуя низкую по сравнению с фронтовыми частями политическую активность солдат и матросов Архангельского гарнизона и военного порта, исследователи указывают на то, что там «окопались» представители «мелкой буржуазии», стремившиеся не попасть на фронт. Действительно, служба в рабочих частях обеспечивала возможность до конца войны находиться в тылу, получая при этом приличное жалование и хорошее снабжение. Местные военнослужащие активно реагиро-

вали на революционную пропаганду только в отношении скорейшего заключения мира. Однако убедительным объяснением «аполитичности» местного гарнизона кажутся и доводы П.А. Варнека, считавшего, что военных, и прежде всего моряков, удерживало от излишних разрушительных действий понимание государственной необходимости своей службы: «В отдаленных гарнизонах севера, где трудности службы и плаваний в суровых условиях Арктики уравнивали положение офицера и матроса и заставляли последних уважать своих командиров, революция прошла почти без инцидентов и без кровопролития», и только в конце лета 1917 года «волна разложения докатилась до севера. Работы в портах и на разгрузке пароходов стали сильно затягиваться. На кораблях и в береговых командах дисциплина стала падать и участились случаи отказа выполнять боевые приказания...» [7].

О включении в политическую активность военнослужащих размещенных в Архангельске частей, которая первоначально проявлялась в виде стихийных (созываемых под влиянием определенной агитации) совещаний солдатских депутатов, направляемых не всеми частями, а только наиболее активными или теми, где было активное ядро, можно судить по довольно скудным имеющимся сведениям. Источников, отражающих деятельность солдатских организаций, немного. Непосредственного делопроизводства, во всяком случае низовых комитетов, почти не сохранилось. В какой-то степени о содержании их резолюций можно судить по приказам начальника Архангельского гарнизона, часто являвшимся реакцией на деятельность и требования комитетов [8–10]. Более подробно события 1917 года в солдатской среде представлены в воспоминаниях [11–15], однако позднейшая оценка пережитых событий авторами оказала влияние на деформированное отражение реальной картины.

Учитывая общие настроения в армии и флоте, можно предположить, что среди офицеров было немало разделяющих программы политических партий; и они практически все

поддержали Февральскую революцию. К тому же в момент петроградских событий в городе фактически не было реальной военной власти. Главнач вице-адмирал Л.Б. Корвин (который из-за своего «немецкого происхождения» подвергался постоянным нападениям местной прессы и политических активистов) в конце февраля находился в командировке и в Архангельск уже не вернулся. Заменявший его генерал-майор И.И. Федоров по примеру других местных властей наложил запрет на распространение телеграфных сообщений из Петрограда, а также выпустил «особо секретный» приказ, предписывающий незамедлительно сообщать о настроениях в воинских частях [6, л. 47, 50]. Когда этот одиозный приказ (5 марта им же отмененный) стал достоянием гласности, Федорову было выражено «общественное недоверие» [16, с. 5]. По требованию Комитета общественной безопасности он был отстранен от обязанностей Главнач; временно исполняющим был назначен контр-адмирал С.А. Посохов.

Архангельск входил в зону Петроградского военного округа, поэтому приказы Петросовета № 1 от 1 марта и № 3 от 5 марта о правах военнослужащих, в т. ч. на избрание своих демократических организаций (комитетов), распространялись и на местные воинские части. Получив распоряжение главы Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко о том, что «местные военные и морские части теперь выполняют распоряжение народного правительства», генерал Федоров постарался встать во главе начавшегося движения по объединению солдат и матросов с рабочими и служащими Архангельска. Уже 2 марта состоялась совместная демонстрация, солдаты ополченческих дружин во главе со своим командиром и несколькими офицерами двинулись в Солломбалу, где к ним присоединились матросы флотского дисциплинарного полуэкипажа со своим командиром и офицерами, а также большое число гражданских. Затем «с флагами и барабанами» военнослужащие направились в центр города. На Соборной площади солдат

приветствовал генерал Федоров, а моряков – контр-адмирал С.А. Посохов (начальник штаба Флотилии СЛО).

В митинге приняли участие и представители от рабочих, которые предложили военнослужащим направить на организационное собрание по выборам городского Совета своих делегатов, что и было сделано: теперь этот революционный орган стал именоваться «Советом рабочих и солдатских депутатов». Товарищами председателя собрания от моряков был избран прапорщик Братусов, от армейских частей – Захаренко. В исполком Совета были кооптированы представители от армии, президиум исполкома состоял из 8 членов от рабочих, 3 от флота и 1 от армейских военнослужащих. Собрание всячески стремилось продемонстрировать единение «армии и народа, шумно приветствуя солдатских депутатов, которые в свою очередь благодарно кланялись и произносили благодарственные речи» [16, с. 5, 8, 9–10].

Военнослужащие приняли участие и в других мероприятиях, связанных с революционным преобразованием власти. Так, прапорщик Микляев стал товарищем (т. е. заместителем) председателя Комитета общественной безопасности. Флотский офицер Н.Ф. Лемяков организовал матросов, которые 6 марта под руководством гласного Городской думы В.И. Патрушева оцепили здание городской полиции и разоружили полицейских, которых предполагалось заменить милицией. Чтобы не допустить беспорядков в городе, военное руководство ввело в вечернее и ночное время военное патрулирование [17].

Начавшееся вскоре разрушение воинской дисциплины в определенной степени получило толчок к этому «сверху». На основании соответствующих приказаний военного министра исполняющий обязанности Главнач С.А. Посохов издает приказ по гарнизону об отмене отдачи чести офицерам вне служебной обстановки; снимаются некоторые раздражающие солдат запреты (например, на курение табака – запрет, вызванный строгими противопожарными мерами в переполненном военными грузами

порту). «Для постоянного и непрерывного общения и обсуждения всех возникающих между офицерами и нижними чинами вопросов» Посохов предложил организовать постоянное совещание депутатов от воинских частей.

Военнослужащие подвергались и активной внешней агитации. Сюда направляются различные эмиссары – как от официальных органов власти, например от Временного комитета Государственной думы (перед солдатами и моряками с разъяснением задач Революции выступали депутаты от Архангельской губернии В.И. Кривоногов и П.А. Леванидов, а также представлявший Думу и Петросовет А.И. Рыслев), так и от радикальных или полурформированных организаций. В частности, в первых числах марта «в Архангельск стали прибывать какие-то нижние чины, заявляющие, что они делегаты от Государственной думы», и занимающиеся самочинным разоружением полицейских и жандармских чинов [18].

На основании разрешающего создавать в воинских частях «демократические организации» приказа стало активизироваться прежде всего офицерство. 5 марта состоялось собрание офицеров флота с приглашением представителей от матросов. Была создана комиссия для постоянной связи с гражданскими политическими органами под председательством капитана 1-го ранга Зузина. 7 марта состоялось совместное заседание солдат и офицеров армии.

18 марта 1917 года «в связи с распоряжением военно-морского министра об организации внутренней жизни армии и флота на новых началах» С.А. Посохов издал приказ о признании существующими комитеты размещенных в Архангельске частей, а также рекомендации создавать таковые, где их не было. В результате в большинстве воинских частей комитеты были сформированы по соответствующему распоряжению Главначка. Отныне собрания «солдатских депутатов» созывать было запрещено, а каждая часть должна была выбрать свой комитет (если такового не было): они становились «советами при ротных командирах» [6, л. 77].

Каждый «местный» комитет направлял своего делегата в один из созданных «центральных». Таковыми были: Центральный комитет делегатов офицеров флота (ЦЕОФЛОТ), Центральный комитет делегатов офицеров армии (ЦЕОФАР), Центральный комитет делегатов кондукторов флота (ЦЕКОНД), Центральный комитет делегатов матросов (ЦЕМАТ), Центральный комитет делегатов солдат (ЦКСОЛД). Все флотские комитеты этим приказом объединялись в Соединенный совет делегатов флота (СОФЛОТ), в исполнительный комитет которого (КОСОФЛОТ) были избраны по квоте 3 офицера (капитан 1-го ранга Щукин, старший лейтенант Гордеев, мичман Калинин), 1 кондуктор (Чуркин из Службы связи), 6 матросов (в т. ч. матрос технического училища Абрамов, писари Маслов и А. Блинцов, унтер-офицер охраны порта Бакарица В. Кореляков, минер штаба дивизии траления Ф. Баровкин). Солдатские комитеты объединялись в Соединенный совет армии (СОАРМ), исполнительный комитет которого (КОСОАРМ) состоял из 3 офицеров (штабс-капитаны Глубоковский и Станиславский, поручик Пландовский) и 7 солдат (от 14-й Архангельской дружины ратники Г. Баранов и М. Вержбицкий, от артиллерийской команды порта Бакарица бомбардир-наводчик В. Архипов, от других частей – унтер-офицеры Н. Хохряков, Г. Монич, И. Ляпунов и писарь Н. Ельцов) [6, л. 77].

Таким образом, в Архангельске «возникли демократические организации, аналогичные подобным учреждениям» в других гарнизонах и на флоте. Однако «их образование здесь отличалось некоторым своеобразием, выразившимся первоначально в известном их кастовом характере» [5, с. 6–7], т. е. объединялись по родам войск и по чинам.

Объединенная военная организация Архангельского района была создана на общем собрании делегатов армии и флота, состоявшемся 29 марта. Ее задачами были «установление полного единения между офицерами и воинскими чинами», поддержка политики Временного правительства, поддержание дисциплины

плины и развитие культурно-просветительской работы. На случай возникновения конфликтов внутри частей или рядовых с командирами, а также споров с другими частями были образованы «согласительные комиссии», на которые возлагались функции «третейских судов».

Исполнительный комитет «Общего собрания» делегатов армии и флота Архангельского района являлся «военным советом» при Главначе.

Посохов в конце концов оказался в непродуманном положении и был вынужден во многом идти навстречу солдатским депутатам. И если 5 марта он сообщал начальству, что «здесь пока все благополучно» [19, л. 29], то вскоре после этого начал терять рычаги управления воинскими частями. Под давлением гарнизонного комитета он согласился произвести арест 24 старших офицеров [19, л. 66, 70], которые были отправлены в Петроград, но там этот арест был признан необоснованным. Офицеров освободили [16, с. 17], а сам Посохов был снят с должности и заменен гражданским лицом.

Особенностью воинских частей в Архангельском районе было различие в их положении: военные моряки и занятые на постройках в тяжелейших условиях военно-морских баз рабочие имели льготное продовольственное, вещевое и денежное довольствие. На протяжении 1917 года данные льготы стали распространяться на остальные, сугубо тыловые части. Возможно, причиной этого было то, что «военный совет» при Главначе большей частью состоял из представителей тыловых сухопутных частей: небольшие по численности, они имели право направлять в представительные органы своих делегатов, благодаря чему всегда были в большинстве. Именно эти делегаты настаивали на «уравнительности» не только между офицерами и солдатами, но и между чинами различных подразделений, что способствовало росту напряженности в солдатской и матросской массе.

Вскоре, особенно в связи с начавшейся демобилизацией, которая в первую очередь коснулась рабочих военизированных частей, важнейшую роль в Архангельске стал играть

Центральный комитет моряков Флотилии СЛО (ЦЕЛЕДФЛОТ), созданный 28 апреля 1917 года и состоявший из 15 членов, представляющих матросов, кондукторов и офицеров Флотилии. Первое время, как вспоминал один из членов этой организации, «решали вопросы социального характера – сроки службы во флоте, о ремонте судов, о жаловании матросам, о комсоставе, о матросском клубе», но постепенно происходил процесс «революционизации снизу», и ЦЕЛЕДФЛОТ стал одной из наиболее радикальных пробольшевицких организаций в городе [20].

Разрушительным для армии было и начавшееся выделение в воинских подразделениях групп по национальному и религиозному признаку. Среди призванных для тыловых работ было много католиков, протестантов, мусульман, буддистов. Они и до революции имели льготы в связи с исповеданием своего культа, но теперь эти вопросы стали предметом особого внимания высших командиров. По распоряжению начальника гарнизона, «магометане освобождаются от работ на три дня по случаю» своего праздника, для них приказано «подавать к Бакарице, Экономии и другим портовым районам пароходы, чтобы вовремя подвезти к мечети для богослужения» [8, д. 3, л. 39]. Из Петрограда поступает распоряжение организовать выборы делегатов от военнослужащих-мусульман на Всероссийский мусульманский съезд в Казани. По инициативе вернувшихся из Казани делегатов был организован «мусульманский военный совет Архангельского гарнизона», члены исполнительного комитета которого «освобождаются от работ». Комитет тотчас же вышел с предложением организовать мусульманский национальный батальон (поскольку «в Архангельске и окрестностях находится 800 мусульман, разбросанных по разным воинским частям»), но эта попытка не увенчалась успехом только по причине отсутствия в гарнизоне офицеров-мусульман [8, д. 2, л. 1, 47, 173].

Мусульманская организация прекратила свою деятельность в январе 1918 года «в свя-

зи с полной демобилизацией Архангельского гарнизона и увольнением имевшихся солдат-мусульман»; вместо батальона была сформирована рота, направленная в Петроград для пополнения отдельного мусульманского сводного батальона [8, д. 2, л. 182].

Весной и летом 1917 года происходило «освидетельствование солдат-южан на предмет перевода их в войсковые части Юга России» [8, д. 3, л. 42]; по требованию общественности, «инородческая дружина», состоявшая из бурят, направленных в Архангельск для строительных работ, была распущена в связи с высокой заболеваемостью рабочих в условиях Севера [21].

Параллельно расширению полномочий военных организаций, которые одной из своих основных задач декларировали поддержку дисциплины в армии, нарастают процессы дезорганизации. Из документов Архангельского ревкома видно, что во второй половине 1917 года «участились случаи ограбления граждан людьми в военной форме с мандатами якобы на проведение обысков» [22]. По свидетельству члена Архангельского окружного суда, в феврале 1918 года, когда он прибыл в Архангельск к месту службы, «в городе сильно чувствовался бандитский разгул и разнузданность»; в первую же ночь были совершены два дерзких нападения – на богатый купеческий дом и на здание Торгово-промышленного собрания. Оба нападения были совершены людьми в матросской форме, причем в случае с нападением на частный купеческий дом предприимчивый авантюрист вызвал по телефону, якобы как член ЧК, отряд матросов для проведения реквизиции дефицитного продовольствия [11, л. 5 об.]. Таким образом революционные матросы оказались в роли разбойников и грабителей, не осознавая этого. Но подобные случаи создавали даже верным революционному порядку частям недобрую славу – население стало панически бояться людей в солдатской и особенно матросской форме.

Офицерам, привыкшим к высокой дисциплине в армии, трудно было смириться с тем, что эта разнузданная толпа в военной форме и есть их солдаты. Активных участников разрушительных действий революционной эпохи начальник Мурманского укрепрайона контр-адмирал К.Ф. Кетлинский называл не солдатами, а «этими людьми в солдатской форме» [23, с. 24].

Командиры пытались избавиться от солдатских активистов, видя в них прямую или опосредованную причину падения дисциплины, отправляя их, по примеру фронта, в отпуск. Однако в отличие от фронтовых частей желающих уезжать было немного: тыловая работа хорошо оплачивалась, не была связана с такими рисками, как на передовых позициях, а возможность влиять на ситуацию для многих активистов была привлекательной. Истинное облегчение командиры начали испытывать с началом демобилизации. Получив право оставлять солдат «для сдачи имущества», командиры частей предпочитали выбирать наиболее дисциплинированных и надежных. Остальные же были отправлены в долгосрочные отпуска, и им строго-настроено был запрещен обратный въезд в Архангельский район (по распоряжению Архангельского ревкома от 28 декабря 1917 года, уволенным в отпуск воинским чиновникам следовало «покинуть район в 48 часов» и «запрещено <...> возвращаться в Архангельск ранее назначенного срока» [24]). По этой причине в дальнейших политических событиях солдатские активисты «первого набора» уже не участвовали. Основными активистами в Архангельской губернии стали члены солдатских комитетов, отправленные из своих частей в длительные отпуска, а активисты из Архангельска продолжали свою «политическую карьеру» у себя на родине.

Таким образом, испытывая давление как «сверху» (от революционного правительства), так и «снизу» (от солдатских и матросских комитетов), командование гарнизона принимало решения, которые объективно способствовали развалу армии как единого механизма.

Список литературы

1. Френкин М.С. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии: Подготовка и проведение Октябрьского мятежа 1917–1918 гг. Иерусалим: Став, 1982. 400 с.
2. Диунов М.Ю. Тыловые гарнизоны русской армии в 1917 году (по материалам губерний Верхнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999. 211 с.
3. Зиновьев Г.Е. Рабоче-крестьянский союз и Красная армия. Л.: Прибой, 1925. 40 с.
4. Булдаков В.П. Октябрьская революция: социокультурное измерение: дис. ... д-ра ист. наук в виде науч. докл. М., 1998. 37 с.
5. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере, 1917–1920: сб. док. Л.: Наука, 1982. 406 с.
6. Гос. арх. Арханг. обл. (ГААО). Ф. 1199. Оп. 1. Д. 32.
7. Варнек П.А. Русский Север в первую мировую войну // Мор. зап. 1950. Вып. 8, № 2. С. 23–39; № 3–4. С. 13–33.
8. Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 9106. Архангельский гарнизон.
9. ГААО. Ф. 1731. Главноначальствующий г. Архангельском и водным районом Белого моря.
10. Рос. гос. арх. Воен.-Мор. Флота (РГАВМФ). Ф. Р-19, 1135. Главноначальствующий г. Архангельском и водным районом Белого моря.
11. Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5867. Фонд «общества северян». Д. 3.
12. ГААО. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Воспоминания. Оп. 3.
13. Волог. обл. арх. новейшей полит. ист. (ВОАНПИ). Ф. 1332. Воспоминания. Оп. 3.
14. Центр. гос. арх. ист.-полит. док. СПб. (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Воспоминания отдельных лиц. Оп. 5.
15. Рос. гос. арх. соц.-полит. ист. (РГАСПИ). Ф. 70. Комиссия по изучению истории компартии и Октябрьской революции. Оп. 3. Воспоминания.
16. Артлебен М.Н. Архангельск в дни государственного переворота. Архангельск: Губерн. тип., 1917. 18 с.
17. Архангельск. 1917. 8 марта.
18. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 110. Л. 59–60.
19. РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 2.
20. ГААО. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 701.
21. Трошина Т.И. «Реквизированные» буряты в Архангельской губернии (август 1916 – май 1917 гг.) // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): коллектив. моногр. М.: Рус. импульс, 2017. С. 320–333.
22. ГААО. Ф. Р-2106. Оп. 1. Д. 19. Л. 57.
23. Кетлинский К.Ф. Доклад «Состояние Мурманской железной дороги к октябрю 1917 г.» // Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: сб. воспоминаний и док. Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 2006. С. 21–27.
24. ГААО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 52. Л. 14.

References

1. Frenkin M.S. *Zakhvat vlasti bol'shevikami v Rossii i rol' tylovykh garnizonov armii: Podgotovka i provedenie Oktyabr'skogo myatezha 1917–1918 gg.* [The Bolshevik Takeover in Russia and the Role of the Army's Rear Garrisons: Preparation and Implementation of the October Revolt of 1917–1918]. Jerusalem, 1982. 400 p.
2. Diunov M.Yu. *Tylovye garnizony russkoy armii v 1917 godu (po materialam guberniy Verkhnego Povolzh'ya)* [Rear Garrisons of the Russian Army in 1917 (Based on the Materials of the Upper Volga Provinces): Diss.]. Yaroslavl, 1999. 211 p.
3. Zinov'ev G.E. *Raboche-krest'yanskiy soyuz i Krasnaya armiya* [Workers' and Peasants' League and the Red Army]. Leningrad, 1925. 40 p.
4. Buldakov V.P. *Oktyabr'skaya revolyutsiya: sotsiokul'turnoe izmerenie* [The October Revolution: A Sociocultural Dimension: Diss.]. Moscow, 1998. 37 p.
5. *Voennye moryaki v bor'be za vlast' Sovetov na Severe, 1917–1920* [Navy Men in the Struggle for Soviet Power in the North, 1917–1920]. Leningrad, 1982. 406 p.

6. *State Archives of the Arkhangelsk Region (SAAR)*. Coll. 1199. Inv. 1. Fol. 32 (in Russ.).
7. Varnek P.A. Russkiy Sever v pervuyu mirovuyu voynu [North Russia in World War I]. *Morskie zapiski*, 1950, iss. 8, no. 2, pp. 23–39; no. 3–4, pp. 13–33.
8. *Russian State Military Historical Archives*. Coll. 9106. The Arkhangelsk Garrison (in Russ.).
9. *SAAR*. Coll. 1731. Host Authority over Arkhangelsk and the White Sea Basin (in Russ.).
10. *Russian State Navy Archives (RSNA)*. Colls. R-19, 1135. Host Authority over Arkhangelsk and the White Sea Basin (in Russ.).
11. *State Archives of the Russian Federation (SARF)*. Coll. R-5867. Collection of Northerners Society (in Russ.).
12. *SAAR. Document Department on Socio-Political History*. Coll. 8660. Reminiscences. Inv. 3 (in Russ.).
13. *Vologda Regional Archives of Contemporary Political History (VRACPH)*. Coll. 1332. Reminiscences. Inv. 3 (in Russ.).
14. *Central State Archives of St. Petersburg Historical and Political Documents*. Coll. 4000. Reminiscences of Certain Individuals. Inv. 5. (in Russ.).
15. *Russian State Archives of Socio-Political History*. Coll. 70. Commission for the Study of the History of the Communist Party and the October Revolution. Inv. 3. Reminiscences (in Russ.).
16. Artleben M.N. *Arkhangelsk During the Coup*. Arkhangelsk, 1917. 18 p.
17. *Arkhangelsk*, 8 March 1917 (in Russ.).
18. *RSNA*. Coll. 418. Inv. 1. Fol. 110. Ff. 59–60 (in Russ.).
19. *RSNA*. Coll. R-342. Inv. 1. Fol. 2 (in Russ.).
20. *SAAR. Document Department on Socio-Political History*. Coll. 8660. Inv. 3. Fol. 701 (in Russ.).
21. Troshina T.I. “Rekvizirovannyye” buryaty v Arkhangel’skoy gubernii (avgust 1916 – may 1917 gg.) [The “Requisitioned” Buryats in the Arkhangelsk Province (August 1916 – May 1917)]. *Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoy Rossii: neizvestnoe ob izvestnom (k 100-letiyu Vysochayshego poveleniya 25 iyunya 1916 g.)* [1916 Uprisings in Asian Russia: The Unknown About the Well-Known (to the 100th Anniversary of the Royal Decree of June 25, 1916)]. Moscow, 2017, pp. 320–333.
22. *SAAR*. Coll. R-2106. Inv. 1. Fol. 19. F. 57 (in Russ.).
23. Ketlinskiy K.F. Doklad “Sostoyanie Murmanskoy zheleznoy dorogi k oktyabryu 1917 g.” [Report “The State of the Murmansk Railway by October 1917”]. *Grazhdanskaya vojna na Murmane glazami uchastnikov i ochevidtsev* [Civil War on the Kola Peninsula as Seen by Its Participants and Eyewitnesses]. Murmansk, 2006, pp. 21–27.
24. *SAAR*. Coll. 1199. Inv. 1. Fol. 52. F. 14 (in Russ.).

DOI: 10.37482/2227-6564-V002

Tat’yana I. Troshina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-5949> e-mail: tatr-arh@mail.ru

THE ARKHANGELSK GARRISON IN 1917

This article presents the historical material that supplements and extends our knowledge about the role of the rear garrisons in the growing revolutionary activity during the period “from February to October”. Further, it indicates the specifics of the units located in the Arkhangelsk military district, which explains the unique character of the processes that were taking place there. Due to the special location of Arkhangelsk, during the First World War a great number of generally small military units of

---

For citation: Troshina T.I. The Arkhangelsk Garrison in 1917. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2020, no. 2, pp. 16–25. DOI: 10.37482/2227-6564-V002

different attachments were positioned there and performed various functions. Some military units under particularly difficult service conditions had preferential food and financial supplies, which created tension not so much between privates and commanding officers as between the military units representing various branches of the armed forces. It is concluded here that at the first stage of the Revolution, the creation of military “democratic organizations” was largely initiated by the high command, who were forced to obey orders from the capital. Military units’ involvement in the political life was uneven, depending on the soldiers’ and navy men’s understanding of the importance of their service for the benefit of the state. The most active were the “labour battalions”, which included a large number of people of urban professions who saw this type of service as an alternative to going to the front, as well as those mobilized from the Empire’s outlying national regions. These categories of servicemen were especially interested in ending the war by any means and being demobilized as soon as possible. The most disciplined were the navy men. The transformation of the Arkhangelsk garrison soldiers and navy men into an anarchist mass occurred later than in most of the rear garrisons and at the front.

Keywords: *Russian Revolution of 1917, servicemen, soldier committees, rear garrison, Arkhangelsk garrison.*

Поступила: 29.12.2019

Принята: 27.03.2020

Received: 29 December 2019

Accepted: 27 March 2020